

УДК 304.2
DOI 10.17223/19988613/37/3

Е.Г. Трубина

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена тем вариантам понимания культурного и социального разнообразия, что связаны с противоречиями неолиберального капитализма и их проявлениями в государственной и местной политике. В центре статьи – аргумент о глобальном и национальном использовании культурного разнообразия. Он рассмотрен в контексте осмысления связи миграции и креативности, в частности урбанистом Р. Флорида. Показано, что позитивные, в частности либеральные, коннотации культурного разнообразия используются не только в политических, но и экономических целях.

Ключевые слова: культурное разнообразие; неолиберальный национализм; город; этничность; коммерциализация.

Социально-гуманитарное знание осмысливает разнообразие людей и человеческих культур, стремясь найти ответ на вопрос об основаниях социальной стабильности и социальной связи, о критериях, в соответствии с которыми одни культурные практики кажутся нам нормальными, а другие – странными. При этом само это знание развивалось в рамках национальных государств и национальное государство как главную шкалу анализируемых процессов включило в свою исследовательскую оптику. Представления об эволюции обществ как прогрессе были оформлены в фундаментальный мета-нарратив, в центре которого – единая для всех траектория развития, стандарты которого воплощают передовые страны и культуры (и до которых не дотягиваются слишком от них отличающиеся). Это побуждало учёных долгое время пренебрегать культурным разнообразием в пользу утверждения универсальных стандартов развития и отвечающим им ценностей, пока социальная антропология и близкие ей дисциплины под влиянием целого ряда социальных и исторических обстоятельств не сосредоточились на разнообразии человеческого рода. Люди образуют один род, но группы, в него входящие, сильно отличаются между собой. Отличаются и ценности, которым подчинена жизнь различных групп: они зависят от места и исторического момента, а также от того, сколько и каких людей они устраивают. Последние десятилетия XX в. были отмечены нарастанием значимости *культурного* разнообразия для разных групп людей, в том числе и академиков, что отразилось в огромном объёме посвящённой ему литературы, в которую мы с американскими коллегами также внесли скромный вклад.

В книге «Dilemmas of Diversity After the Cold War: Analyses of "Cultural. Difference" by U.S. and Russia-Based Scholars» (Woodrow Wilson Center, 2010) мы с американским антропологом Мишель Ривкин обобщили дискуссии американских и российских исследователей, посвящённые проблемам идентичности и культурного разнообразия, состоявшиеся в ходе семинаров, организованных Институтом Кеннана летом 2005 г. и зимой 2006 г. Институциональные истоки этого проекта, включившего семинары и подготовку к

печати книги (на основании презентаций участников) в наши дни, отмеченные резким ограничением академического сотрудничества с западными коллегами, важны и значимы.

Замысел спонсоров проекта – Института Кеннана и его директора Блэра Рубла – заключался в том, чтобы включить в профессиональные международные сети российских ученых и преподавателей, работавших в рамках Межрегиональных институтов по общественным наукам (МИОНов), открытых с финансовой помощью Корпорации Карнеги и Фонда Макартуров с начала 2000-х гг. в семи российских университетах, включая Томский, где выходит данный журнал.

Наша книга была продуктом эксперимента, суть которого состояла в попытке международной и междисциплинарной группы исследователей, объединенных лишь самым общим интересом к проблематике разнообразия, найти общую почву для ее анализа, не теряя в то же время из виду эпистемологические, исторические, экономические истоки различий внутри группы. Поскольку участники группы различались и характером образования и преподавания, и дисциплинарными установками, к необходимости осмыслить теоретические и эмпирические проблемы культурного разнообразия в США и России добавилась проблема *интеллектуального* разнообразия, которое воплощала собой данная группа исследователей.

Итогом общей рефлексии стала попытка сформулировать, в чем состоят американские и российские представления о разнообразии. Первые исходят из того, что разнообразие тогда получает смысл, когда те или иные социальные и культурные группы выражают и мобилизуют свою идентичность в широких социальных целях. Две стороны американской истории лежат в основе таких представлений. Во-первых, то, что Америка представляет собой страну эмигрантов, в которой главным критерием принадлежности к нации становится скорее приверженность либеральным ценностям, нежели утверждения об общих «крови» или «генах». Во-вторых, движение за гражданские права, утвердившее ценность равных прав для всех. Вторые, российские, представления о разнообразии отмечены трево-

гами и утратами, связанными с распадом Советского Союза. Стремясь утвердить себя в качестве сильной нации, Россия поощряет национализм, тогда как разнообразие – будь оно представлено мигрантами, религиозным плюрализмом, борьбой за независимость этнических меньшинств, либо даже новыми способами понимания художественной литературы – с готовностью изображается в качестве угрозы национальному единству. Разнообразие поощряется лишь коммерчески, выражая логику потребительского рынка, но это отнюдь не ведет к большей открытости людей иным мировоззрениям и верованиям, а напротив, беспроblemно соединяется с национализмом.

Международный характер созданной организаторами нашей группы ученых побудил к рефлексии того, как различающиеся социальные контексты, в которых работают ученые, привел к неодинаковому пониманию ими «разнообразия» и «терпимости». В первом приближении можно обозначить специфику подхода американских участников как «идеалистическую», потому что их нацеленность на поиск позитивных решений для всех сложных проблем базируется на уверенности в возможности создания лучшего общества. Напротив, рассуждениям российских участников был присущ «прагматизм», понимаемый здесь как отказ придерживаться какой бы то ни было нормативной рамки, т.е. с мечтами о лучшем обществе рефлексия разнообразия российскими учеными соединяется крайне редко. Это, возможно, объясняется тем, что российские ученые живут в государстве с минимальной политической жизнью, где терпимость к разнообразию мало кого заботит, а необходимость сводить концы с концами подчиняет себе полагание ценностей справедливости и взаимного уважения (либо способствует их инструментализации).

Подготовленная в этой связи книга вышла в свет в 2010 г. Для ее обложки мы использовали мою фотографию фонтана «Дружба народов» на ВДНХ в Москве на фоне угрюмых грозowych облаков. Тогда нам казалось, что эта фотография переключается и с трагедией в Беслане в 2004 г., и с волнениями в Кондопоге в 2006 г., и с другими событиями, свидетельствующими о том, как непросто членам советской семьи народов сосуществовать в условиях новой страны. Мы, однако, не могли предвидеть, что образ позолоченных скульптур в центре упомянутого фонтана на фоне грозы, скульптур, олицетворяющих «сестер» – советских республик, приобретет еще более серьезное значение после событий 2014 г. Данную статью я мыслю продолжением начатой вместе с американскими коллегами работы по осмыслению того, что такое разнообразие сегодня.

Культурное разнообразие в контексте неолиберального капитализма. Разнообразие я понимаю как сосуществование различных групп в рамках тех или иных географических образований – стран, регионов и городов. Культурное разнообразие, если упростить множество его толкований, это, во-первых, сосуще-

ствование представителей различных культур в городе или стране и, во-вторых, достояние человечества, что должно быть защищено от ряда угроз, в том числе глобализации, которая культуры нивелирует. Отправной точкой своих рассуждений я хочу сделать аргумент антрополога Арджуна Appadureya. Культурное разнообразие сегодня, как он настаивает, «сознательно мобилизовано... на службу масштабной национальной или транснациональной политике» [1. С. 15].

Тенденция мобилизации того, что традиционно, благодаря философам и антропологам, мыслилось как одно из измерений человеческого существования, мне кажется очень важной. Если мыслители (к примеру, Ханна Арендт) призывали быть внимательными к людской множественности и непохожести ради обещания мыслить и действовать, которое хранит в себе каждый человек, и горевали по поводу стерильного обезличивания людей, от которого не свободна модерность, то политики и экономисты, урбанисты и идеологи разнообразия, повторю, прагматически мобилизуют. В итоге понятие культурного разнообразия приобретает все больший этический «вес» и его нормативное понимание, исходящее из того, что разнообразие *должно* сохраняться, а те, кто встают на его защиту, занимаются общественно значимым делом, усиливается. В силу целого ряда причин из всех возможных вариантов разнообразия людей именно культурное привлекло к себе наибольшее внимание. Необходимостью защищать, охранять, не дать в обиду ту или другую культуру оправдывают свою политическую деятельность самые разные лагеря, пренебрегая тем фактом, что культуры давно уже не существуют в отдельности и неизменности, они мутируют, мигрируют, заимствуют друг у друга полезные компоненты, становясь гегемонами и отходя в тень. Сложности осмысления разнообразия «вообще» и разнообразия культурного связаны с тем, что нормативный и дескриптивный ракурсы постоянно совмещаются: простые описания непохожих на доминирующие сообществ либо практик нередко мыслятся как миссия по их сохранению, что неплохо, но явно недостаточно.

Главное, связанное с разнообразием, противоречие состоит в следующем. Разнообразие должно постоянно пополняться извне тех мест, где оно складывается. Предпосылка разнообразия – открытость наций и государств. Между тем одна из главных линий напряжения сегодня заключается в противоречии между открытостью и закрытостью государств (либо между открытостью в одном отношении и ограниченной открытостью в другом). Закрытость государств связана с непростыми отношениями между ними и нациями. С одной стороны, нация образована людьми со смешанными корнями, происходящими из разных (и также смешанных) этнических и прочих групп. Пытаясь совладать с этой непредсказуемой пестротой, государство делает себя воплощением нации, задавая «унитарное и манихейское поле социального видения» [2. С. 196]. Англий-

ские историки Корриган и Сэйер настаивают, что «унитарность» этого поля предполагает сведение к минимуму различий в рамках нации, а «манихейскость» – особое «регулирующее и риторическое пространство для тех, кто «чужд» тому, что провозглашается в качестве национального образа жизни [2. С. 196].

Увязывание воедино национальных символов и официальной государственной политики в рамках систематической пропаганды национального единства приводит к тому, что проявления чьего-то пренебрежения к составляющему суть «нашего», т.е. «национального» и «исторически сложившегося», люди воспринимают очень болезненно, в том числе как «неверность», «недостаток преданности», ибо это угрожает их субъективности, для которой национальная принадлежность составляет один из главных стержней (наряду с классовой и гендерной, а также выбранной профессией). Однако соединение национальных святынь и повседневных практик в националистическом дискурсе именно его делает популярным (в конце концов, редкие из нас мыслят свою профессию в терминах призвания, миссии, и о роли своего класса в мире тоже, как правило, не задумываются). Другое дело – нация. Корриган и Сэйер приводят в качестве примера риторику Маргарет Тэтчер в адрес Национального союза горняков, стоявшего в центре забастовок шахтеров, охвативших Англию в 1980-е гг., поражение которых позволило в итоге правительству Тэтчер укрепить свой консервативный неолиберальный курс. Тэтчер сравнила профсоюзного лидера – президента Национального союза горняков – с аргентинским диктатором Гальтерри, попытавшимся восстановить свою популярность захватом Фолклендских островов (апрель 1982 г.), что привело к Фолклендской войне, восстановлению на островах британской власти и политическому краху Гальтерри. Смысл этого сравнения в том, что совсем не обязательно быть вдалеке от нации, чтобы быть объявленным глубоко ей чуждым: если ты, в качестве руководителя сильного профсоюза, противишься официальному курсу, тебя обзовут фашистом и провозгласят «не нашим» (в данном случае, «не английским»). Категория «не наших» расширяется тогда до бесконечности, включая «папистов, якобинцев, марксистов, суфражистов, цыган, членов профсоюзов», а ее творческое переосмысление националистическими пропагандистами строится на расизме и ксенофобии, составляющих, как иронически подчеркивают авторы, «культурное наследие миссии по внесению цивилизации в мир» [Там же].

Как же так получается, что среди давно сложившихся идеологий и политических вариаций именно национализм оказывается нужен неолиберальному государству? Дэвид Харви объясняет это противоречием между экономическими и политическими целями неолиберального государства: с одной стороны, «государство... должно само действовать как коллективная корпорация», а для этого, с другой, «быть активным, создавать благоприятный деловой климат и оставаться

конкурентоспособным в мировой политике» [3. С. 45]. Но как получить на это все поддержку граждан? Здесь и оказывается полезным национализм. Харви также вспоминает использование национализма Маргарет Тэтчер не только в истории с Фолклендскими островами, но и в отказе Англии интегрироваться с Европой и многочисленные другие случаи мобилизации национализма неолиберальным государством: «Снова и снова, будь то Европейский Союз, Общий рынок стран Южной Америки (Mercosur), где бразильский и аргентинский национализм препятствует интеграции, Северо-американская зона свободной торговли (NAFTA) или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), – национализм необходим государству для эффективного функционирования в качестве конкурентного субъекта на мировых рынках» [Там же].

Противоречивый симбиоз национализма и неолиберализма, нуждающихся друг в друге для сохранения социального порядка и встраивающих проявления националистической лояльности в сложные экономические цепи, рассмотрен рядом авторов [4, 5]. И для национализма, и для неолиберализма национальное государство – точка отсчёта, только для национализма это высшая точка, а для неолиберализма – инструмент, позволяющий справиться с тем затруднением, что, провозглашая своей целью выражение интересов всех граждан, этот этап развития капитализма отмечен беспрецедентным разрывом в доходах и иными проявлениями эффективной защиты интересов элит. Чего бы ни касался такой альянс национализма и неолиберализма – искусства или науки, технологий или миграций, – он оценивает все это избирательно. Критерий оценки – интересы нации, под которые можно подверстать очень многое. Так, миграция поощряется лишь «желательная», т.е. состоящая из высококвалифицированных и состоятельных людей, тогда как на пути всех остальных – множество ограничений [4].

Эти ограничения встречают понимание и поддержку населения большинства стран мира. Международная ситуация после 11 сентября 2001 г. и ряда последовавших после этого террористических атак в разных странах состоит в том, что гражданскую сплоченность и ценностное единство правительства, по крайней мере риторически, ставят выше культивирования разнообразия и терпимости к нему. Консерваторы и культурные фундаменталисты мыслят нацию как единую (и одну) культуру, опираясь на популярные и у академиков представления о национальной культуре как исторически укорененной, прикрепленной к определенной территории, как передаваемому от поколения поколению набору традиций и ценностей.

«Культуралистская риторика» [6] предполагает обсуждение национальных ценностей таким образом, чтобы национальное государство мыслилось их хранителем. Это дает возможность изобразить миграцию как угрозу коллективной идентичности граждан данного государства. Общее понимание значимости принад-

лежности одной, единой национальной культуре мобилизуется государством посредством масс-медиа и иных каналов продвижения культурного фундаментализма. В результате их работы национализм становится повседневным и даже «банальным», если вспомнить название популярной работы [7].

Неолиберальный девиз «каждый сам за себя» тоже стал само собой разумеющимся: каждый сам определяет, какие культурные символы для него являются значимыми, и если часть этих символов связана с отторжением «чужого», такой повседневный неолиберализм подпитывает расизм и ксенофобию, усиливает консервативные настроения. Так, перспектива создания приезжими рабочими сильных профсоюзов пугает и хозяев загородных коттеджей, и местные правительства. Богачам мигранты с проснувшимися интересами не нужны, так как потребуют больше денег за свою работу, а местные правительства в вечной заботе о социальном порядке поддерживают интересы состоятельных слоев населения тем, что не спешат юридически поддерживать многих мигрантов.

Для того чтобы рыночная экономика функционировала эффективно, между государствами должна иметь место свободная миграция рабочей силы. С другой стороны, суверенное государство не может допустить безграничной миграции и бесконечного культурного разнообразия, так как они препятствуют общественному и ценностному единству – конструктам, помогающим государству в утверждении его легитимности. По оценке Иммануэля Валлерстайна, «государство почти всегда предшествует нации, и развитие национального нарратива столь же прагматично, как и все остальное. Признанные в качестве суверенных, государства часто видят угрозу и во внутреннем распаде и внешней агрессии. Эти угрозы ослабляются по мере того, как зреет национальное чувство. Властвующие правительства, как и все подгруппы внутри государства, заинтересованы в усилении этого чувства. Любая группа, реализующая свои интересы в борьбе с группами помимо государства или в каком-то регионе данного государства, полагаясь на его юридическую силу, будет использовать националистические аргументы как легитимацию своих претензий. Государства, далее, заинтересованы в административном единообразии, увеличивающем эффективность их политики. Национализм – выражение, двигатель и следствие такого государственного единообразия» [8. С. 81].

Национализм выступает на стороне государственного единообразия, используя риторику общественного и ценностного единства для маскировки политических интересов государства в целом и отдельных, связанных с ним и зависимых от него, игроков. Напротив, неолиберальный капитализм, нередко (и обоснованно) отождествляемый с глобализацией, зависит от неограниченного движения через национальные границы людей, товаров, технологий и идей. Столкновение рыночной открытости с государственными интересами часто

приводит к тому, что товарам преодолеть государственные границы проще, чем людям (за исключением грустных случаев государств, к которым применены экономические санкции). Большинство государств, ужесточая иммиграционную политику, сталкиваются в результате с наплывом нелегальной миграции. Политический теоретик Джеймс Холлифилд противоречие между открытостью, присущей экономической логике либерализма, и закрытостью, присущей его политической и юридической логике, назвал «*либеральным парадоксом*» миграционного государства и продемонстрировал, что в истории западных государств этот парадокс проявлялся в том, что потокам мигрантов ворота планировалось открывать только на время, а затем ставить этим потокам жесткие препоны, причем координируя эти ограничения друг с другом [9. С. 904].

Политики лавируют между инвесторами (им нужна рабочая сила) и населением своих стран, которое, как правило, настроено против иммигрантов. Политический теоретик Моника Варсанай формулирует вслед за Холлифилдом *неолиберальный парадокс*, состоящий в том, что высокий спрос на недорогую временную рабочую силу в строительстве, сфере услуг и гостеприимства сочетается с различными законами, которые накладывают ограничения на передвижение и поселение мигрантов, в совокупности делая их нелегальными [10. С. 882]. Правительственным декларациям об открытой рыночной экономике противоречат и избирательно открытые закрытые границы и испытываемые многими сложности с получением гражданства [Там же. С. 879].

Этот парадокс, добавлю я, разворачивается на нескольких шкалах: если федеральное государство может лишь «выразить озабоченность» количеством доступных для его граждан рабочих мест, то конкретные драмы, связанные с ограничениями на получение рабочих мест и проживание, разворачиваются в бюрократических коридорах отделений по миграции в тех или иных штатах и городах. Столкнувшись с дискриминацией со стороны контрактора, набирающего дешевую рабочую силу, или владельца квартиры в приличном районе, которую хотелось бы снять, приезжий работник понимает, так сказать, по месту приезда, насколько его здесь не ждут.

Противоречие между идеологией и повседневностью неолиберализма состоит в том, что, отдавая приоритет нерегулируемому рынку, индивидуализму и правам собственности, он побуждает местные правительства ограничивать рынок труда, создавая все новые препятствия мигрантам и их семьям. Города становятся ответственными за разработку принципов членства в местных сообществах, определяя, «кому разрешено, а кому нет быть членом «нашего» сообщества, более того, определяя, что означает легитимное в них членство [11]. Инициативы местных властей, подпитанные заботами местных же консерваторов о культурной однородности и представляемой мигрантами угрозе инте-

ресам должителей, ориентируются на законы, которые позволяют индивидам «практиковать свою свободу, но только теми способами, которые государство заранее определило, к примеру, как работников, но не как получателей льгот» [12. С. 60].

Почти в каждой стране сегодня мигранты, составляя немалую часть рабочей силы, сталкиваются со множеством ограничений, связанных с получением гражданства и иных прав и свобод. Эти ограничения реализуются на местах: чтобы убедиться в этом, в России достаточно посидеть в очереди и поговорить с представителями среднеазиатских республик, ожидающих возможности побеседовать с инспектором ФМС и «бумагу сделать», как выразился один из них. Вопрос о том, защищает ли права мигрантов Конституция той или другой страны, становится по нарастающей риторическим. Не будучи гражданами, мигранты остаются открытыми для разного рода дискриминации в тех регионах, где они решили поселиться. Увеличение распространности ненадежного труда без контрактов и льгот – часть неолиберальной политики занятости – строится на уверенности, что в глобализованном мире люди перемещаются беспрепятственно. Однако регулирование получения гражданства и усиление границ прикрепляют людей к «своим» нациям. Те же из них, кто решил искать счастья в рамках других наций, сталкиваются с противоречиями между экономическим и политическим измерениями разнообразия. В качестве рабочей силы приезжие нужны, но в качестве граждан их готовы рассмотреть лишь в случае, если они не угрожают единству национального, городского и иного сообществ. Для этого они должны включиться в жизнь новой для них нации, выучив язык, подтвердив привезенные из дома дипломы и сертификаты, стать членами имеющихся на новом месте жительства сетей поддержки (к примеру, землячеств), подчиниться тем вариантам политики в отношении мигрантов, что складываются в тех или иных городах.

Безграничная приверженность многих людей, на Западе они живут либо где-то еще, ценностям своих культур побуждает к поиску принципов и идей, которые помогли бы увеличить общую безопасность. В то же время реализация капиталистическими игроками экономических интересов приводит к тому, что культурное разнообразие западных городов нарастает, порождая раздумья о разнообразии как экономическом активе (Флорида). Эта концепция и будет кратко далее рассмотрена в статье.

Культурное разнообразие как экономический актив. Множество культур, составляющих современный мир, сосуществуют в городах, что нашло отражение как в романтических метафорах «плавильного тигля», «миски с салатом», так и трезвых, родившихся в России, к примеру «резиновой квартиры» (так называют жилища, в которых прописываются десятки трудовых мигрантов, чтобы получить разрешение на проживание и работу в стране). Города носителей разных

культур сталкивают на улицах и в транспорте, обогащая одних из них и укрепляя предрассудки других. Города носителей разных культур эксплуатируют в строительстве и сфере обслуживания, облагают поборами (не делая при этом исключения и для представителей культур местных). Для носителей одних культур города – убежище, для других – тюрьма, для третьих – загрязненный организм, нуждающийся в очистке, для четвертых – пространство, которое тем и хорошо, что сулит новые непредсказуемые встречи. Потенциал городов по созданию общей космополитической культуры горожан стал осмысляться в европейской литературе с XVIII в.

Взгляд на город, как на культурную и экономическую машину, способную переработать неприятную пестроту взглядов и нравов его обитателей в работающую городскую массу и активную городскую публику, популярный у реформаторов, сочетается с иным взглядом – частным, индивидуальным, сформировавшимся в ходе контактов с людьми, отличающимися от тебя телесно, гендерно, расово, этнически, классово и иным образом. Почти каждый день, прожитый в городе, сталкивает нас со стариками, инвалидами, детьми, нищими, пьяницами, свидетельствуя о том, что у городского разнообразия множество проявлений и сторон. Если заботой власти и городских активистов является преобразование городской среды так, чтобы разные горожане видели, что их нужды принимаются в расчет, то заботой многих горожан является организация своей жизни таким образом, чтобы свести к минимуму контакты с «неприятным» разнообразием. Интеллектуалы почувствовали важность для людей сокращения физических контактов в пространстве города.

Так, теоретик Сара Ахмед интересно пишет об активном дистанцировании – эмоциональном процессе, связанном с выражением и разыгрыванием противоречивых чувств горожан к «другим» [13]. Эта забота согласуется с третьим (после политического и повседневного), *деловым* пониманием городского разнообразия, состоящим в стремлении извлечь прибыль из интенсивности городских контактов и пестроты обитателей города, в частности экономически употребить «отличающихся» людей и их потенциал. В этом контексте поощрение лишь «желательной» миграции, т.е. разрешения поселиться в стране высококвалифицированным и состоятельным людям, может быть осмыслено и как проявление специфической солидарности элит, и стремление сэкономить на обучении собственной рабочей силы.

Урбанист Ричард Флорида пытался культурно разнообразие городских сообществ осмыслить как источник городского роста. Опираясь на хорошо известный аргумент об экономике знания и имея в виду прежде всего Соединенные Штаты Америки, он подчеркнул, что люди, способные превратить знания в деньги («креативный класс»), концентрируются в тех городах, где особенно развиты высокотехнологичные производства [14].

Согласно Флориде, «креативные города», т.е. города, в которых сосредоточено новаторское и наукоемкое производство, создают большое количество рабочих мест, а среди факторов, делающих их привлекательными для высокообразованной продуктивной публики, он называет характеристики городского сообщества, а именно толерантность, открытость и культурное разнообразие: «Лучше всего... работает моя собственная теория креативного капитала. Вспомним ее основной тезис: экономический рост регионов обеспечивается креативными людьми, которые предпочитают места, отличающиеся разнообразием, толерантностью и открытостью новым идеям» [14. С. 276].

Соединение либеральных идей, в частности тезиса о ценности толерантности и культурной сложности с поиском экономических возможностей, открываемых разнообразием, воплотилось и в известном «Манифесте 100», третий пункт которого гласит: «Прими разнообразие. В нем исток креативности, инновации, позитивного экономического воздействия. Разнообразие идей, выражений, талантов и точек зрения, обогащающих сообщества, создается людьми разного происхождения и образования. Так идеи процветают и создают жизнеспособные сообщества» [15].

Р. Флорида ратует за либеральные, толерантные и разнообразные сообщества, считая их предпосылкой эффективного экономического развития. Проанализировав свыше пятидесяти городов, Флорида с коллегами выявил корреляцию между развитостью в том или ином городе высокотехнологичных производств и проживанием в нем достаточного числа «других» людей, под которыми он понимает (1) лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, (2) «богему» (музыкантов, актёров, писателей, художников) и (3) бывших мигрантов. Среди городов с высокой концентрацией геев и высокотехнологичных производств они называют Сан-Франциско, Вашингтон, Остин, Атланту и Сан-Диего. Среди городов, популярных среди богемы и также технологически успешных, значатся Сизтл, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сан-Франциско и Бостон. Наконец, среди технологических центров с высокой концентрацией мигрантов названы Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сан-Диего, Хьюстон, Бостон и Вашингтон. Составной «индекс разнообразия», разработанный командой Флориды, позволил им расположить американские города по этой новой шкале и объявить лидеров – Сан-Франциско, Бостон, Сизтл и Вашингтон. Р. Флорида утверждает, что если «индекс разнообразия» у города высокий, это позволяет с уверенностью предсказывать в нем технологический рост [14. С. 276–293].

Принцип «Трёх Т» (технология, талант, толерантность), сформулированный им, также предполагает культивирование разнообразия: если его нет, нет нужды в толерантности, а талант и непохожесть на других тесно связаны. Рассуждения этого эксперта обращены к политикам и городским властям: для привлечения креативного класса нужно создать подходящие условия, включающие жи-

вые, вибрирующие, немонотонные районы и улицы, привлекательность которых создается и культурным разнообразием. Иными словами, определенный набор факторов выделен экспертом в качестве основы расширения предпринимательских возможностей городов.

Апелляция Флориды к либеральным идеям ставит его критиков в сложное положение и объясняет глобальную популярность урбаниста, однако проводимые им корреляции все же чересчур прекраснотушны (либо, наоборот, циничны). Экономический географ Джейми Пек в ряде критических текстов убедительно показал, что надежды на креативность представляют собой попытку «мягкого» политического решения противоречий современной городской жизни, обусловленных недостатком средств на социальную политику, нарастающей социальной поляризацией и т.д. [15]. Тем не менее составление перечней передовых в том или ином отношении городов, на чем специализируется Р. Флорида, остается очень прибыльным делом: какой же мэр не захочет попасть в первую десятку, пусть это и потребует оплаты дорогостоящих советов экспертов по креативному развитию городов? В то же время введенный Флоридой «индекс разнообразия» игнорирует исторические обстоятельства и сложно связанную совокупность факторов, приведших к уникальности того или иного города. Так все ли в глобальной успешности Нью-Йорка объясняет его разнообразное население? Осуществленное Флоридой объединение богемы, геев и мигрантов в качестве источника городского процветания, с одной стороны, обесценивает городскую историю с ее каждый раз неповторимым сочетанием факторов, из одних городов на время делающих победителей, а других отбрасывающих на обочину (бывает, что и навсегда).

С другой стороны, как бы ни льстил «индекс разнообразия» «учтенным» в нем категориям людей, он недостаточно учитывает пространственное распределение людей, работающих в высокотехнологичных отраслях. Хотя Флорида с коллегами и говорит о «городских зонах» (metropolitan areas), что предполагает города, взятые вместе в пригородах, все же в его анализе не вполне учтено распределение рабочей силы в «технополисах». Почти всегда рабочие места в таких городах делятся на две группы: высокооплачиваемые высококвалифицированные белые профессионалы (а также профессионалы азиатского происхождения) и малооплачиваемые работники сектора услуг. Рынок жилья в любом крупном городе (а Флорида говорит лишь о таких) складывается так, что работники сервисной экономики, часто представленные мигрантами-американцами, латино-американского происхождения, приезжают на работу из пригородов, тратя несколько часов в дороге, и иным образом страдают от социальной сегрегации. Но даже высокооплачиваемые, приехавшие на постоянную работу профессионалы, безусловно внося вклад в экономику страны, испытывают сложности с получением гражданства и ощущением равноправного членства в принимающем обществе. По

мнению ряда авторов, проблемы, с которыми сталкиваются мигранты и их потомки в этих мультикультурных городах, включают занятость, жилье, образование, услуги, расизм, насилие, сегрегацию, сложности с осуществлением религиозной свободы и т.д. [17, 18].

Картина же «полезного» городского разнообразия, рисуемая Флоридой, очень избирательна: делая акцент на необходимости сделать города привлекательными для «других», творческий потенциал которых видится ему более высоким, он имеет в виду создание властями привилегий для уже успешных слоев населения, ассоциируемых Р. Флоридой с креативностью, новизной и трансгрессией. Критики Флориды справедливо сомневаются в том, способны ли «странствующие хакеры и... богемы в ассортименте» [19, 15] привнести в город столь насущную для него креативность, и настаивают, что новшества должны вырасти из неповторимой для каждого города связи экономики и социальных отношений. В идеях Флориды можно усмотреть выражение интересов девелоперов: цены на недвижимость растут в тех районах, что провозглашены популярными у членов креативного класса, вытесняя бывших их обитателей и способствуя росту спекулятивного капитала, а не количества рабочих мест. Можно сказать, что Флорида предлагает успешным мигрантам, геем и творцам качественного культурного продукта, вложившись в глобальную экономику своей профессиональной деятельностью, стать своеобразным активом, самим фактом своего проживания, усиливая привлекательность и продаваемость того или иного квартала.

Разнообразие мыслится в наши дни и *нормативно*, т.е. как предмет озабоченности, охраны и гордости, и *инструментально*, т.е. как такая характеристика города либо страны, которая увеличивает их функциональность. Разнообразие обитателей городов (справедливо мыслимое как один из критериев городской жизни) – предпосылка новых достижений, не случайно теоретики ратуют за приоритет разнообразия в планировании городов, настаивая на том, чтобы проектируемое городское пространство поощряло ежедневное смешение людей, социальных групп и практик. Опираясь на теории городского роста, городской политики, академические тексты о национализме, неолиберализме и миграции, в этой статье я сформулировала две взаимосвязанные идеи. Во-первых, в то время как город справедливо понимается в качестве пространства, объединяющего членов многокультурных обществ, отношения между городской и национальной шкалами регулирования межкультурных отношений сегодня меняются. Государственная риторика гостеприимства и открытости не

должна препятствовать нашему пониманию того, что главная шкала, на которой принципы культурного разнообразия подрываются, – это город. Это здесь многим мигрантам дают понять, каким бременем для экономики и угрозой для культуры их считают горожане, и с какими сложностями они столкнутся, легализуя свое пребывание в данной стране. Во-вторых, обращение к разнообразию как одному из достояний городской жизни, которое можно превратить в экономический актив, предпринятое Ричардом Флоридой и его последователями, отмечено крайней избирательностью и пренебрежением противоречиями городской миграции. Тогда как этнические меньшинства чувствуют себя нередко бесильными и униженными и их интересы редко проникают на уровень городской, а тем более национальной публичной сферы, Флорида ратует за расширение разнообразия, понимаемого как экзотика, т.е. за расширение спектра потребительского выбора состоятельных клиентов. Из всех возможных пониманий разнообразия Флоридой взят на вооружение самый беспроblemный, тот, что хорошо согласуется с главным принципом неолиберального капитализма: «Будь состоятельным покупателем, и это гарантирует тебе уважение». Мой аргумент состоит в том, что неолиберальная политика городских правительств, выстраиваемая с опорой на пропагандируемые экспертами успешные случаи, вписана в укрепляющийся сегодня неолиберальный национализм, в основе которого лежит пропаганда интересов нации, которыми прикрывается реализация экономических и политических интересов элит.

Реальная миграционная политика и фундаментальные структурные противоречия общества, оборачивающиеся углубляющимся неравенством, делают наше отношение к разнообразию более настороженным, менее романтическим и исполненным неопределенности. Многие связи между разнообразием и неравенством, а также между разнообразием и нуждой людей хотя бы в иллюзорной защищенности только начинают осмысляться. Так, предприниматели и студенты из разных мест украсят любой город, а часть из них в нем останется жить, что часто – к лучшему, но, когда дело доходит до условий труда и оплаты за него, им вместе со старожилами приходится сталкиваться с эксплуатацией, а нередко и обманом работодателей. Сложность состоит в том, чтобы разработать такую экономическую политику, итогом которой было бы получение от разнообразия преимуществ и сокращения влекомых им сложностей, в частности взаимной нетерпимости мигрантов и местных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1996.
2. Corrigan P., Sayer D. The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution. Oxford : Blackwell, 1985.
3. Харви Д. Краткая история неолиберализма. М. : Поколение, 2007.
4. Davidson N. Nationalism and Neoliberalism // Variant. 2008. № 32. P. 36–38.
5. Harmes A. The Rise of Neoliberal Nationalism // Review of International Political Economy. 2012. № 19 (1). P. 59–86.
6. Stolcke V. Talking Culture. New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. № 36 (1). P. 1–13.
7. Billig M. Banal Nationalism. London : Sage, 1995.
8. Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class. London, UK : Verso, 1991.

9. Hollifield J.F. The Emerging Migration State // *International Migration Review*. 2004. № 38 (3). P. 885–912.
10. Varsanyi M.W. Rescaling the 'Alien', Rescaling Personhood: Neoliberalism, Immigration and the State // *Annals of the Association of American Geographers*. 2008. № 98 (4). P. 877–896.
11. Varsanyi M.W. Documenting Undocumented Migrants: The Matrículas Consulares as Neoliberal Local Membership // *Geopolitics*. 2007. № 12 (2). P. 299–319.
12. Hartman Y. In Bed with the Enemy: Some Ideas on the Connections Between Neoliberalism and the Welfare State // *Current Sociology*. 2005. № 53 (1). P. 57–73.
13. Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. 2nd Edition. London, UK : Routledge, 2014.
14. Флориды Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2007.
15. *Memphis Manifesto*. Creative Class Group. URL: <http://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/manifesto.pdf>
16. Peck J. Struggling with the Creative Class // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. № 29. P. 740–770.
17. Leslie D., Catungal J.P. Social justice and the creative city: class, gender and racial inequalities // *Geography Compass*. 2012. № 6. P. 111–122.
18. Finney N., Simpson L. *Sleepwalking to Segregation? Challenging Myths About Race and Migration*. Bristol : Policy Press, 2009.
19. Scott A. Creative Cities: Conceptual issues and Policy Questions // *Journal of Urban Affairs*. 2006. № 28 (1). P. 1–17.

Trubina Elena G. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: elena.trubina@gmail.com

CULTURAL DIVERSITY AND NEOLIBERAL NATIONALISM: AN ESSAY TOWARD STATING A PROBLEM OF THEIR CONNECTION.

Keywords: cultural diversity; neoliberal nationalism; the city; ethnicity; commercialization.

The article deals with those concepts of cultural and social diversity which are linked to the contradictions of the neoliberal capitalism and their expressions in the national and local politics. The article is centered around the argument about the global and national mobilization of cultural diversity. This argument is considered in the context of analysis of the connections among migration and creativity conducted, in part, by the urbanist Richard Florida. The article demonstrates that the positive, liberal connotations of the concept «cultural diversity» are being used in both political and economic purposes. Diversity is defined in the article as the coexistence of different groups within the geographical formations, i.e. countries, regions and cities. Cultural diversity is defined as, first, coexistence of bearers of different cultures in a city or in a country and, second, as the human condition which has to be defended from various threats, including the globalization with its tendency to homogenize cultures. The article is informed by the argument made by an anthropologist Arjun Appadurai who speaks about «the conscious mobilization of cultural differences in the service of a larger national or transnational politics» (Appadurai, 1996: 15). The article argues that diversity is understood today normatively, that is as something to be concerned about, to defend and to feel proud of. At the same time, diversity is accessed instrumentally, namely, as such trait of a city or a country which amplifies their functionality. Based on the theories of urban growth and urban politics as well as on the academic texts on nationalism, neoliberalism and migration, the article posits two interrelated ideas. First, while the city is justifiably thought about as the space which unites the members of multicultural societies; the links among urban and national scales of regulating of intercultural relationships have been changing today. The governmental rhetoric of hospitality and openness shouldn't preclude us from understanding that the city is the main scale on which the principles of cultural diversity have been undermined. Second, Richard Florida and his followers' approach to cultural diversity is marked by selectivity and ignores the contradictions of urban migration. Florida argues for diversity understood as exotica, that is for the widening the scope of consumer choice for the wealthy clients. At the same time, the ethnic minorities often feel themselves helpless and their interests are seldom discussed in the urban or national public sphere. The conclusion is that the neoliberal policy of the urban governments based on the best practices promoted by the experts corresponds to the growth of neoliberal nationalism based on the propaganda of the national interests which hides the on-going realization of the economic and political interests of the elites.

REFERENCES

1. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
2. Corrigan, P. & Sayer, D. (1985) *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution*. Oxford: Blackwell.
3. Harvey, D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Translated from English by N.S. Bragina. Moscow: Pokolenie.
4. Davidson, N. (2008) Nationalism and Neoliberalism. *Variant*. 32. pp. 36–38.
5. Harnes, A. (2012) The Rise of Neoliberal Nationalism. *Review of International Political Economy*. 19(1). pp. 59–86. DOI: 10.1080/09692290.2010.507132
6. Stolcke, V. (1995) Talking Culture. New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe. *Current Anthropology*. 36 (1). pp. 1–13. DOI: 10.1086/204339
7. Billig, M. (1995) *Banal Nationalism*. London: Sage.
8. Balibar, E. & Wallerstein, I. (1991) *Race, Nation, Class*. London, UK: Verso.
9. Hollifield, J.F. (2004) The Emerging Migration State. *International Migration Review*. 38(3). pp. 885–912. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00223.x.
10. Varsanyi, M.W. (2008) Rescaling the 'Alien', Rescaling Personhood: Neoliberalism, Immigration and the State. *Annals of the Association of American Geographers*. 98(4). pp. 877–896. DOI: 10.1080/00045600802223341
11. Varsanyi, M.W. (2007) Documenting Undocumented Migrants: The Matrículas Consulares as Neoliberal Local Membership. *Geopolitics*. 12(2). pp. 299–319. DOI: 10.1080/14650040601169014
12. Hartman, Y. (2005) In Bed with the Enemy: Some Ideas on the Connections Between Neoliberalism and the Welfare State. *Current Sociology*. 53 (1). pp. 57–73. DOI: 10.1177/0011392105048288
13. Ahmed, S. (2014) *The Cultural Politics of Emotion*. 2nd ed. London, UK: Routledge.
14. Florida, R. (2007) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menayut budushchee* [Creative class: people who change the future]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI.
15. Creativeclass.com. (n.d.) *Memphis Manifesto*. Creative Class Group. [Online] Available from: <http://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/manifesto.pdf>.
16. Peck, J. (2005) Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. 29. pp. 740–770. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2005.00620.x.
17. Leslie, D. & Catungal, J.P. (2012) Social justice and the creative city: class, gender and racial inequalities. *Geography Compass*. 6. pp. 111–122. DOI: 10.1111/j.1749-8198.2011.00472.x
18. Finney, N. & Simpson, L. (2009) *Sleepwalking to Segregation? Challenging Myths About Race and Migration*. Bristol: Policy Press.
19. Scott, A. (2006) Creative Cities: Conceptual issues and Policy Questions. *Journal of Urban Affairs*. 28(1). pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.0735-2166.2006.00256.x